

Н. Ю. ЛОМОУРИ

К ВЫЯСНЕНИЮ НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЙ «NOTITIA DIGNITATUM» И ВОПРОС О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПОНТИЙСКОМ ЛИМЕСЕ

Для выяснения политического положения Западной Грузии, или Лазского царства, в IV—V вв. решающее значение имеют византийские источники. Именно на основании анализа данных этих источников специалисты пришли к выводу, что к концу IV в. вся Западная Грузия, начиная от района Гагры — Пицунды и до сектора устья р. Чорохи, была объединена под властью Лазского царства, которому были подчинены также племена апсиров и абазгов, имевшие некогда (во II—III вв.) собственных независимых правителей (по Арриану, царей-басилевсов), а ныне попавшие в вассальную зависимость от царей лазов (жителей центральной области Западной Грузии, тех же эгров). Подданными лазского царя являлись и сваны, а также жители горной области восточной части Западной Грузии — лечхумцы. Царь Лазики со своей стороны являлся вассалом византийского императора, хотя эта зависимость в IV—V вв. носила поверхностный и формальный характер¹.

На относительную независимость Лазского царства, по мнению исследователей, указывает и то обстоятельство, что в то время, в частности со второй половины IV в. вплоть до 20-х годов VI в., на его территории не стояли римско-византийские гарнизоны².

Однако некоторые исследователи не согласны с этим мнением, полагая, что римские военные отряды стояли в прибрежных пунктах Лазики и в это время, во всяком случае, в начале V в. Основой для подобного утверждения служат сведения «Notitia dignitatum».

Так, например, С. Г. Каухчишвили в рецензии на нашу книгу об истории Эгрисского царства, не соглашаясь с разделяемой нами точкой зрения относительно отсутствия в IV—V вв. на территории Лазики римских гарнизонов, упрекал нас именно в игнорировании сведений «Notitia dignitatum»³.

Трактат анонимного автора «Сведения о всех должностях и учреждениях, как гражданских, так и военных, в областях Востока и Запада» является первоклассным источником для изучения административного устройства Византийской империи в V в. Трактат содержит подробный перечень всех государственных должностей, штатов центральных и провинциальных учреждений, а также воинских подразделений, расположенных в тех или других местах Восточной и Западной империи, с указа-

¹ Джанашиа С. Н. Происхождение Эгрисского царства. — В кн.: Джанашиа С. Н. Труды. Тбилиси, 1952, т. II, с. 314—315 (на груз. яз.); Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 385; Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1968, с. 66—79 (на груз. яз.).

² Меликишвили Г. А. К истории..., с. 385; Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства, с. 66.

³ Каухчишвили С. Г. Очередной успех грузинской историографии. — Мнатоби, № 7, с. 188—189 (на груз. яз.).

нием тех географических пунктов, где были расквартированы эти подразделения⁴.

Согласно единодушному мнению специалистов «Нотичия» составлена в первой четверти V в. и отображает ситуацию, сложившуюся в империи к началу V в.⁵

По данным «Нотичии», Восточная империя делилась на 13 пограничных военных округов во главе с дуксами (duces); одному из них — дуксу Армении (dux Armeniae) подчинялись войска, расположенные как в самой Армении (подразумевается Малая Армения), так и в Понте; среди последних названы одна ала и 6 когорт, расквартированные в следующих пунктах: Pithiae, Valencia, Usiporto, Caene Parembola, Sebastopolis, Ziganne, Moschora⁶.

Именно эти пункты некоторые исследователи отождествляют с городами и крепостями, расположенными на территории Западной Грузии, и, исходя из этого отождествления, считают, что в начале V в. в Лазике стояли римские гарнизоны. Исходной точкой для подобного утверждения являются пункты Pithiae и Sebastopolis, которые заранее идентифицируются с известными колхидскими городами Питиунтом и Севастополисом. Однако еще первый издатель «Нотичии» Бёкинг в своих комментариях к тексту высказывал сомнения в возможности идентификации этих двух пунктов с названными колхидскими городами и был склонен искать их в Понте или Армении. Так, для Pithiae он видел соответствие с Pityusa Клавдия Птолемея, указанным между Трапезунтом и Ризием, или с Opiunta Аммиана Марцеллина⁷, а для Sebastopolis считал более вероятным отождествление с одним из городов Понта или Малой Армении⁸.

О. Зеек хотя и пишет, что Pithiae следует читать как Pityunte, однако ничего определенного не говорит о его местонахождении, а вопрос о локализации Севастополиса вообще оставляет открытым⁹.

Подробно коснулся локализации названных пунктов Н. Г. Адонц. Все те географические объекты, в которых стояли подчиненные дуксу Армении военные подразделения, в том числе и интересующие нас, Н. Г. Адонц локализовал в Понте или Армении. В частности, Pithiae он связывает не с Питиунтом — Пицундой, а с пунктом Thia, упоминаемым в Итинерарии времен Антонина Пия; Севастополис, Валенция и Caena Parembola, — по его мнению, места с названиями, сменившими туземные, — остаются неизвестными, но, соглашаясь с Бёкингом, он отрицает идентичность Севастополиса с лазским городом того же имени (совр. Сухуми). Ziganne Н. Г. Адонц увязывает с названием местечка Зигана у южного входа Зиганского перевала, через который проходила дорога от Трапезунта в Ардасу.

Отметим, что с этим же пунктом отождествляет Н. Г. Адонц и резиденцию одного из епископов епархии Лазики — Зиганеон¹⁰. Пункт Moschora идентифицируется им с деревней Мохора, расположенной к востоку от Зиганы; Usiporto — это латинская форма названия гавани Ὑσσου λιμήν Арриана, позднее Сусармия и совр. Сюрмене, восточнее Трапезунта¹¹. Таким образом, по мнению Н. Г. Адонца, все названные выше стоянки

⁴ Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis / Ed. E. Böcking. Bonnae, 1839. Мы пользуемся более поздним изданием: Notitia dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum / Ed. O. Seeck. B., 1876.

⁵ Notitia dignitatum... / Ed. E. Böcking, S. XII—XVI; Seeck O. Zur Kritik der Notitia Dignitatum. — Hermes, IX, S. 231—232; Mommsen Th. Aetius. — Gesammelte Schriften. Berlin, 1906, Bd. IV, S. 558.

⁶ Notitia dignitatum... / Ed. O. Seeck, S. 85.

⁷ Notitia dignitatum... / Ed. E. Böcking, S. 434—435.

⁸ Ibid., S. 438—439.

⁹ Notitia dignitatum... / Ed. O. Seeck, S. 85.

¹⁰ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971, с. 65.

¹¹ Там же, с. 100—101.

римских военных частей были расположены на территории Понта и Малой Армении и нет оснований помещать их в Лазику.

С локализациями Н. Г. Адонца не согласился С. Г. Каухчишвили. Еще в 1952 г., говоря о четырех епископских кафедрах Лазики, перечисленных в византийских церковных эктезисах, в частности об одной из этих кафедр, именуемой Зиганеон (ὁ τῆς Ζιγανέων), С. Г. Каухчишвили идентифицировал последнюю с Зиганой «Нотиции», в связи с чем и коснулся вопроса о локализации остальных римских стоянок. По мнению С. Г. Каухчишвили, Pithae — тот же Питиунт, Sebastopolis не что иное, как Севастополис Абхазии, т. е. Сухуми, Moschoга напоминает Мохирис, упоминаемый византийскими писателями среди городов Лазики; Saene Parembole — латинская транскрипция греческого наименования Καὶνὴ παρεμβολή — «Новый лагерь», как предполагал и Н. Г. Адонц; это наименование С. Г. Каухчишвили увязывает с названием Βουργουνόης — крепости, указанной Прокопием Кесарийским в Чанике (т. е. в области южнее устья р. Чорохи); данное наименование восходит к латинскому Burgus novus — «Новая крепость», т. е. по смысловому значению мы имеем полное соответствие с Καὶνὴ παρεμβολή; Usiporto — то же, что и Ὑσσου λιμὴν Арриана, т. е. совр. Сюрмене, а Ziganne — это тот же Зиганеон, находившийся близ совр. села Гудава (Абхазская АССР, Гальский район)¹². Фактически то же самое повторил С. Г. Каухчишвили и в 1961 г., когда комментировал сведения «Нотиции»¹³.

Согласно этой точке зрения из указанных пунктов Зиганне, Мохора, Севастополис и Питиа были расположены на территории Лазики, и, следовательно, по данным «Нотиции», в начале V в. в этих пунктах Лазики стояли римские военные подразделения, подчиненные дуксу Армении. Таким образом, получается, что названные крепости или лагеря являлись составной частью римской пограничной системы, или «Понтийского лимеса», который простирался от Трапезунта до Питиунта.

Такого же мнения придерживается и В. А. Левкинадзе. Он не сомневается, что Зиганне — это нынешнее село Гудава у устья р. Окуми, Севастополис и Питие — Сухуми и Пицунда; Мохора и Валенция, по его мнению, неизвестные пункты, хотя в отношении Валенции он высказывает предположение, что это имя мог при императоре Валенте (364—375) получить Апсар, т. е. римская крепость на месте совр. села Гонио¹⁴. По мнению В. А. Левкинадзе, эти крепости являлись составной частью «Понтийского лимеса», который возник в I в. н. э. и продолжал функционировать до VI в., причем вплоть до эпохи Юстиниана характер и назначение его оставались неизменными¹⁵.

Мы придерживаемся совершенно иной точки зрения и, аргументируя ее, начнем с определения местоположения названных пунктов. Из всех этих географических объектов, по существу, лишь локализация Usiporto не вызывает разногласий: согласно единодушному мнению это Ὑσσου λιμὴν Арриана, в анонимном «Перипле» V в. именуемая Сусармией (Σουσαρμία) и легко локализуемая на месте совр. Сюрмене, недалеко от Трапезунта.

Интересно предположение С. Г. Каухчишвили относительно Saene Parembole («Новый лагерь»), которая по смыслу действительно может быть сопоставлена с латинским названием Burgus novus, греческой транскрипцией которого должно являться наименование крепости Βουργουνόης, помещаемой Прокопием Кесарийским в земле чанов. Такое объяснение этого названия выглядит довольно логичным, однако лишь в смысловом значении; отождествление же Saene Parembole «Нотиции» с Бургусновусом Прокопия более чем сомнительно, поскольку Прокопий прямо гово-

¹² Каухчишвили С. Г. Георгика. Тбилиси, 1952, т. IV, вып. II, с. 191—193; ср. с. 414—415 (на груз. яз.).

¹³ Каухчишвили С. Г. Георгика. Тбилиси, 1961, т. I, с. 175—178 (на груз. яз.).

¹⁴ Левкинадзе В. А. Понтийский лимес. — ВДИ, 1969, № 2, с. 81—87.

¹⁵ Там же, с. 91.

рит, что эту крепость построил Юстиниан¹⁶. Следовательно, в начале V в. ее не существовало.

Но локализация *Caene Parembole*, хотя и приблизительная, все же возможна. В данном случае помогает один агиографический памятник, дошедший до нас в грузинском переводе и сохранившийся в грузинских рукописях в двух редакциях — синаксарной и метафрастированной. Это рассказ о мученичестве семи «братьев»-христиан, которых император сослал в Саталу, поручив тамошнему дуксу попытаться заставить их отказаться от христианской веры, а если ему это не удастся, сослать их дальше, в страну Абхазию и Джикетию. Старания дукса оказались тщетными, и тогда он распорядился доставить их в Трапезунт, а оттуда морем в Абхазию. По дороге все семь «братьев» погибли. В рассказе точно указано, кто из них где и когда погиб. Так, старший из «братьев», Эрос, скончался по дороге из Трапезунта в Ризий, в местечке, называемом «Банакеби», а второй «брат», Орентий, погиб в самом Ризии¹⁷. Грузинское слово «банаки» (мн. ч. «банакеби») означает «лагерь», т. е. является переводом греческого «Παρεμβολή». Это позволило П. Е. Ингорква предположить, что в данном случае мы имеем тот же пункт, который в «Нотии» именуется «*Caena Parembole*»¹⁸. На правильность такого отождествления указывает и тот факт, что в метафрастированной редакции памятника вместо «Банакеби» стоит «Кени Параолид» — явное искажение греческого «Παρεμβολή». Эту идентификацию принимает и С. Г. Каухчишвили¹⁹. Поскольку «Банакеби» указан между Трапезунтом и Ризием, *Caene Parembole* «Нотии» следует также помещать где-то между этими городами на побережье Черного моря.

Valentia, как видно, действительно является новым наименованием какого-то пункта, заменившим местное название при императоре Валенте. Однако никак нельзя принять предположение В. А. Левкинадзе, что под этим названием можно подразумевать Апсар. Дело в том, что эту крепость довольно часто упоминают римско-византийские авторы как до, так и после IV в. и она всегда фигурирует как Апсарос (Апсарунтос); если бы после императора Валента ее название изменилось, новое название не могло бы не появиться в источниках. В этом смысле интересно, что Аноним V в. в своем «Перипле Евксинского Понта» часто указывает наряду с древними названиями, восходящими к «Периплу» Арриана, и новые, современные ему наименования. Так, например, говоря о р. Сигам (у Арриана — Сингам), он пишет, что она именуется и Зиганом (τὸν καὶ Ζίγαν λεγόμενον); о р. Тарсуре он пишет, что она ныне называется Мохом (τὸν νῦν λεγόμενον Μοχή), р. Гипп — Лагумпсой, Диоскуриада — Севастополисом и т. д.²⁰ Но Апсар и у него фигурирует только под этим названием²¹. Неоднократно упоминается Апсар и в последующих источниках (у Прокопия, Агафия и др.), причем Прокопий довольно подробно пишет о происхождении названия этой крепости, о древней его форме (Ἀφύρτος) и современном ему наименовании (Ἀφάρως), но нигде не упоминает ее под именем Валентии²². Таким образом, нет никаких оснований полагать, что под Валентией можно подразумевать Апсар. Очевидно, правильно поступают Бёкинг, Н. Г. Адонц и С. Г. Каухчишвили, оставляя вопрос о локализации этого пункта открытым²³.

¹⁶ *Procop. De edific.*, III, 6. — Ed. J. Naury, III, 2. Lipsiae, 1913, p. 99.

¹⁷ Синаксарный список сохранился в нескольких рукописях, а метафрастированная редакция — в Гелатской рукописи № 3. Обе редакции издал Кекелидзе. См.: Кекелидзе К. С. Мученичество Орентия и его братьев. — Литературные изыскания, кн. IV, 1957, с. 93—128 (на груз. яз.).

¹⁸ Ингорква П. Е. Георгий Мерчуле. Тбилиси, 1954, с. 253 (на груз. яз.).

¹⁹ Каухчишвили С. Г. Георгия, т. IV, вып. II, с. 192, 413—415.

²⁰ Anonymi Periplus, § 6. — FHG, V, p. 176.

²¹ Ibid., § 2, § 7. — FHG, V, p. 174, 176.

²² *Procop.*, BG, VIII, 2. — Ed. J. Naury, II, p. 489—490.

²³ *Notitia dignitatum*... / Ed. E. Böcking, p. 435—436; Адонц Н. Указ. соч., с. 100; Каухчишвили С. Г. Георгия, т. I, с. 177.

Для локализации Ziganne в Лазике основанием служит близость этого названия с наименованием одного из епископств Лазики — Ζιγανέων. Дело в том, что согласно византийским церковным экзегезисам среди подвластных константинопольскому патриарху священнослужителей находился митрополит Лазики с резиденцией в Фасисе, а ему подчинялись четыре епископа, один из которых имел резиденцию в Ζιγανέων²⁴. И Н. Г. Адонц и С. Г. Каухчишвили не сомневаются, что оба эти названия идентичны, а стоянка римской когорты по «Нотиции» и указанный епископский центр — один и тот же пункт, только Н. Г. Адонц и крепость, и епископский центр помещает в местечке Зигана, севернее Ардасы, а С. Г. Каухчишвили — в Лазике, в совр. селе Гудава. Безоговорочно принимает последнее предположение и В. А. Левкинадзе. Что епископская кафедра Зиганеон была расположена в Гудава, ныне не вызывает сомнений. Решающим при ее локализации сведением послужил опять-таки приведенный выше рассказ о мученичестве Орентия и его «братьев», из которого явствует, что Эрос погиб в «Банакеби», Орентий — в Ризии, а остальные «братья» — в Кордилосе, Апсароне, Зиганеосе и Питиоте²⁵. Ясно, что Зиганеос находится на побережье где-то между Апсаром (совр. Гонио, южнее устья р. Чорохи) и Питиунтом (Пицундой), т. е. на территории Лазики. В самом повествовании нет никаких указаний на точное местоположение этого пункта, но в одной из рукописей синакарной грузинской редакции (№ 97, с. 229) на кромке, напротив строки, где упоминается Зиганеос, имеется приписка: *«Гудакву именует Зиганеосом»*. «Гудаква» — это название именно совр. с. Гудава, что и послужило основанием для локализации епископской кафедры в этом селе²⁶. Но имеется ли веское основание для того, чтобы идентифицировать Зиганне «Нотиции» с этим Зиганеосом? Думаем, что нет. Единственным основанием для такой идентификации служит некоторое сходство наименований; но сходство это отнюдь не полное и не безусловное. Не должно быть случайным, что «Нотиция» дает это название без окончания «-ос», в то время как в церковных экзегезисах и «Мученичество Орентия» это окончание имеется; сохраняет его и грузинский перевод. Мы полагаем, что Гудаква — Гудава в древности носило название, форма которого давала основание для переноса его на греческий с окончанием «-ос»; сохранившаяся же в «Нотиции» форма, не имеющая этого окончания, передает местное наименование совершенно другого пункта, которое не давало повода для возникновения окончания «-ос». При таком положении вещей нам представляется более убедительной точка зрения Н. Г. Адонца, что Зиганне «Нотиции» соответствует с. Зигана в Чанети. В этом случае мы имеем полное совпадение названий; кроме того, размещение здесь римского гарнизона было вполне оправдано: ведь с. Зигане было расположено на главном пути из Ардасы в Трапезунт, у южного входа Зиганского перевала, являясь тем самым важным стратегическим пунктом.

Отождествление Moschoa «Нотиции» с Мохирисом византийских авторов, предлагаемое С. Г. Каухчишвили, кажется нам еще более сомнительным. Мохирис согласно всем византийским авторам, в первую очередь довольно подробному описанию Прокопия, — это область Лазики, расположенная во внутренней части Западной Грузии, между реками Риони и Цхенисцхали (р. Гипнос античных и византийских авторов), западнее Кутаиси; здесь же следует искать и город-крепость Мохирис, упоминаемый тем же Прокопием и в XXXI Новелле Юстиниана²⁷. На таком рас-

²⁴ *Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani* / Ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 24; *Hieroclis Synekdemus, et Notitiae graecae episcopatum*. В., 1866, сс. 155, 161, 196.

²⁵ *Кекелидзе К. С.* Мученичество Орентия..., с. 93—128. В греческих синакарных текстах этот пункт назван Ζιγανέων (редакция В) и Ζιγανος (редакция С).

²⁶ *Бердзенишвили Н. А.* Вазират в феодальной Грузии. — ВИАИМК, 1948, т. X, с. 101 (на груз. яз.); *Каухчишвили С. Г.* Георгика, т. IV, вып. II, с. 413—415.

²⁷ *Procop. BP*, II, 29; *Imp. Justiniani Novellae* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1881, I, p. 123; *Муслишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси, 1977, с. 104, 114—115 (на груз. яз.).

стоянии от морского побережья, во внутренней области Лазики, наличие римских гарнизонов не засвидетельствовано. Поэтому нам кажется абсолютно исключенным отождествление Мохоры с Мохирисом. Несомненно, более убедительной является локализация этого пункта в с. Мохора, расположенном восточнее Зиганы, как предполагал Н. Г. Адонц.

И наконец, остается вопрос о локализации Pithiae и Sebastopolis. В первую очередь обращает на себя внимание форма Pithiae²⁸. Если это Пицунда, то подобная форма ее наименования весьма необычна. Несмотря на то что в античных источниках встречаются различные написания (Pitiunta, Pitiuntos, Πιτιούντα, Pityus, Πιτιούτων), нигде не засвидетельствована форма, схожая с названием, данным в «Нотитии». Следует иметь в виду, что греко-латинское наименование Пицунды восходит к местной форме Bitšwinta или Phitšwinta, что в переводе значит «Сосновый» (букв. «сосновое место»), и формант «-nta» здесь совершенно закономерен. Как показал С. Г. Каухчишвили, первоначально это местное название дало греческую форму Πιτιούντος, а поскольку греки имели в топонимике похожие названия — Πισσιούντος, Σελιούντος и др., являвшиеся родительным падежом от Πισσιούς, Σελιούς и т. д., то и для Πιτιούντος они взяли форму именительного падежа — Πιτιούς, приняв «-ντ» за окончание косвенных падежей. Отсюда происходит и латинская форма Pityus, засвидетельствованная у Плиния (NH, VI, 16), Pityunta (=Πιτιούντα) — винительный падеж, Pityuntos, Pitiuntos — родительный падеж²⁹. Из всего этого выпадает форма Pithiae, которую никак не увяжешь ни с местным названием, ни с греческой его транскрипцией. Не случайно, что Бёкинг и Н. Г. Адонц с самого начала отказались от сопоставления этого наименования с Пицундой и стали искать другие пункты для локализации Pithiae. Так, Бёкинг указывает на название Πιτιούσα, упоминаемое у Птолемея восточнее Трапезунта и реально соответствующее, как видно, Офиусу (Ὀφιούς) или Опиусу (Ὀπιούς) других списков «Географии» Птолемея³⁰.

Действительно, у Птолемея в описании Каппадокии после Трапезунта по р. Киссию назван пункт Офиус, затем гавань Ризус, крепость Афины и т. д.³¹ Однако в некоторых рукописях дана другая форма: в Codex Vaticanus Palatinus № 314 здесь стоит Ὀπιούς³², а в Codex Paris. Coislinianus № 337 и в Codex Urbinas Graecus № 82 — Πιτιούσα³³. Пункт Офиус упоминается в «Перипле» Арриана (PPE, § 8) и на Tabula Peutingeriana (Itineraria Romana, p. 648) и локализуется на месте нынешнего городка Оф между Трапезунтом и Ризе³⁴.

Бёкинг не исключает возможности, что Pithiae следует сопоставить с пунктом Thia, отмеченным в «Итинерарии» Антонина между Трапезунтом и Саталой. Эту идентификацию разделяет и Н. Г. Адонц³⁵. Как нам кажется, последнее отождествление не стоит игнорировать. Дело в том, что в двух списках этого «Итинерария» (Cod. Parisiensis 412 и Cod. Florentinus 4) вместо Thia стоит ithia, что, возможно, является ущербной формой от Pithia³⁶. Таким образом, нам представляется более обоснованным искать Pithiae где-то в районе Трапезунта, чем идентифицировать этот пункт с Питуинтом Пицундой.

²⁸ В рукописях имеются разночтения: Pithiae и Pithicae.

²⁹ Каухчишвили С. Г. Георгика, т. I, с. 5—6.

³⁰ Notitia dignitatum... / Ed. E. Böcking, p. 434.

³¹ Cl. Ptol. Geogr., V, 6, 5—6.

³² Эта форма сохранена и в издании 1605 г. Petro Montano (Amsterdammi).

³³ Ломоури Н. Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство», сведения о Грузии: Греч. текст с груз. пер., введ. и объяснениями. — МИГК, 1955, вып. 32, с. 42 (на груз. яз.).

³⁴ Там же, с. 51—52; с Офиунтом отождествляется Pithiae и в кн.: Ингорюва Л. Е. Георгий Мерчуле, с. 253.

³⁵ Notitia dignitatum... / Ed. E. Böcking, p. 434; Адонц Н. Указ. соч., с. 100.

³⁶ Itinerarium Antonini Augusti. — In: Recueil des itinéraires anciens par De Fortia D'Urban. P., 1887, p. 217.

Что касается Севастополиса, то под этим именем, когда дело идет о Причерноморье, обычно действительно подразумевается древняя Диоскурия, т. е. современный Сухуми. Однако не исключено, что город или крепость с таким названием могли находиться и южнее, не территории Понта или Малой Армении. Ведь наименование «Севастополь», «Севастия» со времен Августа давалось многим городам и крепостям в различных областях Римской империи. Не случайно еще Бёкинг обратил внимание на то обстоятельство, что при описании Каппадокии Птолемей помещает здесь Севастополис³⁷. Правда, в данном случае возможна какая-то ошибка Птолемея, поскольку ни один из античных авторов в этом месте, севернее крепости Апсар, т. е. где-то у границ Лазики, Севастополиса не знает, но эта ошибка все же дает основание полагать, что пункт с таким названием находился поблизости; вряд ли Птолемей мог сюда перенести Севастополис—Сухуми. Но мы имеем более определенное указание, что пункт с этим наименованием находился именно в интересующем нас регионе: в церковных эктезисах среди епископов, входивших в митрополитство Первой Армении с центром в Севастии, назван и епископ Севастополиса (ὁ Σεβαστοπόλεως)³⁸. Этот Севастополис знает и Плиний в области Колопене, рядом с Севастией³⁹. Правда, этот Севастополис, расположенный значительно север-западнее Севастии (совр. Сиваса), находится слишком далеко от тех пунктов, рядом с которыми он назван, но если мы обратим внимание на другие стоянки римских войск, то увидим, что расположение Севастополиса (совр. Сулусарай) отнюдь не исключает возможности его сопоставления с Севастополисом «Нотиции». Дело в том, что из подчиненных дуксу Армении военных отрядов, согласно «Нотиции», главные силы располагались в Сатале — главном городе Первой Армении и метрополии Второй Армении — Мелитене. Кроме того, под Саталой, в Домане, и ближе к Мелитене, в Саббу (совр. Саду-Шенике), стояли два отряда стрелковой кавалерии. В Понте основными стоянками были Трапезунт, Авакса и Сильвана⁴⁰. Именно эти три легиона, два отряда конницы и две алы входили в «Великий латеркул» (*laterculus maius*). Далее следует перечень тех отрядов, которые входили в «Малый латеркул» (*laterculus minus*), и вот в числе этих последних находятся и те, которые стояли в интересующих нас пунктах; но, кроме этих, здесь названо еще 11 стоянок, часть которых удастся локализовать. Так, *Metita* была расположена на берегу Евфрата, между Малатией и Самосатой (совр. Самсат), т. е. во Второй Армении; здесь же, у Малатии, находилась и *Dascus*; *Analiba* была расположена около Достала на Евфрате, у нынешнего г. Камах, т. е. в Первой Армении; *Sisila* — недалеко от древнего Никополя, у современного городка Сушехри, т. е. у самой границы Первой Армении и Понта; *Chaszanenia* — у р. Дейрмендере, южнее Трапезунта⁴¹.

Определить остальные пункты не удастся, но ясно, что часть перечисленных здесь отрядов располагалась в Первой Армении, часть — во Второй, а часть — в Понте, причем при перечне стоянок этих отрядов не соблюдается какая-либо строгая географическая последовательность, поэтому не исключено, что какой-либо пункт, расположенный в Первой Армении, мог оказаться в перечне рядом со стоянками, расположенными в Понте. Мы отнюдь не утверждаем, что Севастополис «Нотиции» непременно идентичен одноименной епископской кафедре, расположенной не-

³⁷ *Cl. Ptol. Georg.*, V, 6, 6; *Notitia dignitatum...* / Ed. E. Böcking, p. 431.

³⁸ *Georgii Cyprii...*, p. 23—24; *Hieroclis...*, p. 102, 160, 180, 220; *Benescevic B. Monumenta Vaticana ad ius canonicum pertinentia.* — *Studi byzantini*, 1927, II, p. 141—142.

³⁹ *Plin. NH*, VI, 3, 3.

⁴⁰ В тексте названа четвертая стоянка (*Aladaleariza*), однако в заголовке и приложенном к тексту рисунке отмечены лишь три крепости, поэтому считают, что текст неисправен. См.: *Адоңц Н.* Указ. соч., с. 99.

⁴¹ *Адоңц Н.* Указ. соч., с. 55—57, 64, 82, 99; *cp.: Notitia dignitatum...* / Ed. E. Böcking, p. 431—434.

далеко от Севастии, но наличие такого пункта в том же регионе, где располагаются все другие стоянки римских отрядов, указывает на то, что римский гарнизон мог в начале V в. находиться и в этом Севастополисе, и в другом каком-либо пункте названного региона, носящем то же имя, и вовсе не обязательно видеть в Севастополисе «Нотиции» древнюю Диоскурию, т. е. город в Лазике.

Все сказанное, как нам кажется, полностью подтверждает, что локализация интересующих нас пунктов на территории Лазики вовсе не столь несомненна, как представлялось отдельным специалистам. Более того, целый ряд аргументов делает более убедительным помещение всех этих пунктов именно за пределами Западной Грузии — в Понте и Малой Армении. В правомерности этого вывода нас убеждают и другие данные.

В научной литературе уже отмечалось, что общая ситуация в Лазике в IV—V вв. показывает, что наличие здесь римских гарнизонов вряд ли можно предполагать. Этот вывод Г. А. Меликишвили делает на основании сведений Аммиана Марцеллина и ритора конца IV в. Дрепаниа⁴².

Нам кажется, что мы имеем еще более определенные сведения для выяснения данного вопроса. В первую очередь это сведения Прокопия. Отмечая тот факт, что лазы издревле были подданными римлян, Прокопий пишет, что цари лазов защищали свои границы от гуннов, дабы они отсюда не вторгались в пределы римлян; лазы защищали эти границы так, «что не получали от римлян ни денег, ни войск и не участвовали в совместных с ними походах...» (Ἐφ' ὧν οὐδὲ αὐτοὶ χρήματα ἢ στρατὸν πρὸς Ῥωμαίων δεχόμενοι οὐτὲ Ῥωμαίοις πρὸς ἐπιτετραμένους)⁴³.

Думаем, что картина ясна: то, что здесь описано, исключает возможность нахождения в Лазике римских отрядов. Но ситуация какого времени описана в данном случае? Прокопий прямо отмечает, что позже эта ситуация изменилась и в Лазике в связи с событиями, происшедшими из-за иберского царя Гургена, стали размещать римских воинов⁴⁴. А эти события произошли в 523 г., когда царь Иберии Гурген восстал против Ирана, вынужден был укрыться в Лазике и создалась опасность вторжения туда персов; именно тогда послал сюда войска император Юстин и разместил их в здешних крепостях⁴⁵. Размещением римских войск в их земле лазы были весьма обеспокоены; они, пишет историк, «были недовольны и тем, что к ним поставили римских воинов, чего ранее не имело места (... οὐκ εἰσθδὸς πρότερον...)»⁴⁶. Ниже, описывая посольство лазов к персидскому царю, Прокопий передает слова послов о том, в чем они обвиняли римлян: одним из основных обвинений было то, что римляне ввели в их страну войска⁴⁷.

Ясно, что введение в 20-х годах VI в. византийских военных отрядов в лазские крепости было новым мероприятием, уже давно не имевшим места. Следовательно, не только непосредственно перед восстанием царя Гургена, но и значительно раньше в Лазике не стояли римские гарнизоны.

Другой автор, подтверждающий отсутствие в интересующий нас период римских гарнизонов в прибрежных пунктах Лазики, — Приск Панийский. Во фр. 25 его «Истории готов» содержится рассказ о восстании против Византии лазского царя Гобаза, что вынудило императора послать в Лазик войска. «После того, — пишет историк, — как римляне пришли в Колхиду и вступили в войну против лазов, римские войска возвратились к себе и царедворцы стали готовиться к новой войне, обсуждая вопрос, продолжать ли войну, двинувшись тем же путем или через соседнюю

⁴² Меликишвили Г. А. К истории..., с. 385.

⁴³ Procop. BP, II, 15. — Ed. J. Haury, I, p. 215.

⁴⁴ Ibid., p. 216.

⁴⁵ Ibid., p. 55—57.

⁴⁶ Ibid., p. 218.

⁴⁷ Ibid., p. 219.

с Персией Армению... Плыть морем мимо труднодоступных мест им казалось невозможным, ибо Колхида была лишена гаваней»⁴⁸.

Таким образом, мы видим, что против восставшего Гобаза действуют *пришедшие из Византии* войска, которые после проведения здесь определенных военных операций опять *возвращаются в Византию*. Ситуация такова, что никак нельзя предположить наличие в Лазике византийских военных контингентов. Если бы в прибрежных пунктах Западной Грузии стояли византийские войска и эти пункты тем самым являлись бы византийскими крепостями, составными частями «Понтийского лимеса», то именно этим путем вводили бы византийцы свои войска в Лазик и перед царедворцами не стоял бы вопрос о походе через Армению. Говоря об отсутствии в Колхиде гаваней, Приск, несомненно, имеет в виду отсутствие здесь римских гаваней, прибрежных пунктов, принадлежащих римлянам, а наличие в Колхиде гаваней подтверждается хотя бы сведениями Арриана.

Еще более определенные данные об отсутствии в Лазике римских войск содержит другой фрагмент того же Приска (фр. 41), где речь идет о раздоре между лазами и сванами: сваны отложились от лазского царя (как видно, наследника Гобаза) и прибегли к помощи персов; царь лазов Семат просит у императора «прислать ему в помощь войско из тех воинов, которые охраняют пределы Римской Армении, чтобы иметь наготове помощь, поскольку войска эти стояли по соседству, и не подвергаться опасности в ожидании издалека идущей помощи»⁴⁹.

Ясно, что на территории Лазики в то время нет византийских отрядов, к помощи которых должен был бы в первую очередь обратиться царь лазов. Ближе всех к Лазике из римских отрядов находились те, которые были расквартированы в Римской Армении, т. е. реально в Малой Армении, разделенной на Первую и Вторую Армению. Следовательно, сведения Приска полностью соответствуют той ситуации, которая отражена в «*Notitia dignitatum*»; несомненно, римские войска, присылку которых просит у императора царь лазов, — это те, которые, по «Нотии», подчинялись дуксу Армении, и они были расквартированы не в Лазике, но за ее пределами.

Таким образом, данные Прокопия Кесарийского и Приска Панийского со всей очевидностью доказывают, что во второй половине V в., к которой относятся события, описанные Приском, в Лазике не находились византийские военные отряды. А если это так, то тем более нельзя утверждать их наличие здесь в конце IV и начале V в., т. е. в период наибольшего усиления и расширения Лазского царства, подчинившего себе всю Западную Грузию. Следовательно, ничем не оправданы попытки увязать стоянки римских войск с пунктами Лазики, тем более что их локализация более убедительна на территории Понта и Малой Армении.

Итак, начиная с конца IV в. и вплоть до 20-х годов VI в. в прибрежных городах и крепостях Западной Грузии не было римско-византийских гарнизонов, и эти города и крепости ее могли в тот период являться составной частью «Понтийского лимеса»; защиту прибрежной полосы осуществляло само Лазское царство. Уже одно это опровергает тезис В. А. Леквинадзе о непрерывном функционировании «Понтийского лимеса» и о неизменности его характера и назначения с I по VI в.

Остановимся еще на одном вопросе — о характере прибрежных пунктов Западной Грузии, т. е. о составе и характере «Понтийского лимеса». Полагая, что римские гарнизоны появились в Колхиде лишь при Веспа-

⁴⁸ HGM, t. I, p. 336—337. Подробно об этих событиях см.: Ломоури Н. Ю. К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. — В кн.: ВО. М., 1982, с. 23—36.

⁴⁹ HGM, t. I, p. 349—350. Подробно об этих событиях см.: Богверадзе А. А. По поводу одного сообщения Приска Панийского. — В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976, с. 189—198 (на груз. яз.).

сиане, В. А. Леквинадзе именно к 70-м годам приурочивает начало возникновения «Понтийского лимеса» и считает, что потом постепенно происходит его формирование в целую систему римских гарнизонов, расположенных по всему восточному побережью Черного моря⁵⁰. Этот «лимес» состоял из следующих укреплений: Апсар, Фасис, Зиганис, Севастополис, Питиунт, Трахей (в совр. Гагре), крепость в Мамай-Кале (близ Сочи), Бага, или Бата, где-то между Туапсе и Макопсе. Все эти пункты являлись римскими крепостями, т. е. кастеллами, или кастеллами с канабой; это, по существу, доказывается их прямоугольной в плане формой и их расположением на самом берегу моря⁵¹.

Говоря о своеобразии «Понтийского лимеса», В. А. Леквинадзе в первую очередь подчеркивает их «военно-морской» характер, т. е. то, что все они были расположены на морском побережье, в то время как все остальные известные ему римские кастеллы сооружались исключительно внутри континента; однако, отмечает тут же автор, это вовсе не значит, что римские гарнизоны вообще не располагались на побережье, — «таковые, как правило, стояли в городах, а не в крепостях» (например, в Херсонесе, Ольвии, Тире, Томи, Трапезунте и т. д.). «Последнее обстоятельство, — заключает автор, — по-видимому, отчасти объясняет „субъективную“ причину сооружения римлянами в Восточном Причерноморье кастеллов — римляне здесь городов, точнее говоря, городских фортификационных сооружений не застали»⁵².

Думаем, что это принципиально неверный вывод. Мы считаем излишним доказывать, что и Фасис, и Диоскурия, и Питиунт как города существовали задолго до появления здесь римских укреплений; само собой разумеется, что эти города имели и свои фортификационные сооружения. Очевидно, В. А. Леквинадзе считает, что эти города раннеантичного и эллинистического времен были уничтожены, целиком сравнены с землей и позднее, уже в римскую эпоху, здесь на пустом месте возникли римские кастеллы с римскими же посадами. Подобное предположение было высказано в специальной литературе, и В. А. Леквинадзе, как видно, полностью разделяет его⁵³. Прибрежные города Колхиды к концу эллинистического периода действительно претерпели определенный упадок, что было следствием ряда социально-экономических и политических причин⁵⁴. Но это отнюдь не значит, что эти города целиком погибли и до прихода сюда римлян лежали в развалинах и находились в полном запустении. Мы уже имели возможность довольно подробно показать на основании письменных источников и археологического материала, что и после упадка такие города, как Диоскурия, Питиунт и Фасис, оставались местными городскими центрами с довольно развитым местным ремесленным производством и интенсивными торговыми связями⁵⁵. Именно в эти города были поставлены римские гарнизоны. Другое дело, что римское правительство специально заботилось о лучшей защите своих гарнизонов и возводило для них особые фортификационные сооружения. Так, в Питиунте именно во второй половине II в. или в начале III в. строится мощная римская кастелла⁵⁶.

Что же происходит в этих городах после того, как в них размещаются римские воинские отряды, действительно ли они становятся рядовыми римскими крепостями с канабой?

⁵⁰ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 75—90; мы считаем, что римские гарнизоны впервые появились в Колхиде уже при Августе. См.: Ломоури Н. Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981, ч. 1, с. 210—211.

⁵¹ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 77—89.

⁵² Там же, с. 90—91.

⁵³ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 375—377.

⁵⁴ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 227—239; Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства, с. 46.

⁵⁵ Ломоури Н. Ю. Грузино-римские взаимоотношения, с. 212—215.

⁵⁶ Апакидзе А. М. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт. Тбилиси, 1978, т. III, с. 18—19.

Конечно, новый подъем причерноморских городов Колхиды был связан с мероприятиями римской администрации и с превращением их в места стоянок римских гарнизонов; несомненно, изменился и их характер: если города эллинистического времени были преимущественно торгово-ремесленными центрами, то в римское время они стали преимущественно военно-стратегическими пунктами, городами-крепостями⁵⁷; однако это отнюдь не значит, что города превратились в простые римские крепости (хотя бы с канабой), полностью утратив свой торгово-ремесленный характер. Как отмечает М. П. Инадзе, «прибрежные города Колхиды, несмотря на изменение их характера, сохраняли значение торгово-ремесленных центров; с конца I и начала II в. здесь вновь заметен расцвет городской жизни»⁵⁸.

Ныне уже хорошо известно, что раскопки в Пицунде и Сухуми выявили богатейший и разнообразный археологический материал, содержащий большое количество импортных изделий (краснолаковая керамика, амфоры, стеклянные изделия), а также монеты⁵⁹. Если обнаружение амфор можно еще объяснить тем, что в них доставлялись вино и оливковое масло для римских гарнизонов, то, конечно же, исключено, чтобы всю эту высококачественную и соответственно дорогостоящую краснолаковую керамику, а также стекло использовали римские солдаты, да и вряд ли предназначалась для них вся масса амфор — ведь в крепостях Колхиды находилось довольно ограниченное число римских воинов: так, при Арриане в Фасисе стояло всего 400 солдат⁶⁰. Не вызывает сомнений, что потребителями краснолаковой керамики, стеклянных сосудов и перевозимых в них благовоний, а также части продуктов, доставляемых в амфорах, были зажиточные слои местного населения, наличие которого здесь подтверждается и находками достаточного количества местных изделий: амфор, многообразной кухонной керамики и т. д.⁶¹

Из Фасиса мы не имеем археологического материала, но сохранилось его описание Аррианом. Последний описывает лишь римскую крепость, но упоминает расположенное тут же поселение, которое по его распоряжению обнесли рвом; в этом поселении проживали отслужившие военную службу ветераны и торговцы⁶². Сведения Арриана использует и В. А. Леквинадзе, отмечая, что основной категорией жителей данного поселения были «отставные военные» и что это была канаба, т. е. один из тех посадов, которые возникали обычно возле многих римских пограничных крепостей⁶³.

Во-первых, из сообщения Арриана не видно, что «основной категорией» жителей поселения были отставные военные: Арриан называет здесь и торговцев, «торговых людей» (*ἐμπορικῶν ἀνδράνων*), среди которых вполне могли быть и местные купцы. Во-вторых, Арриан описывает находившуюся здесь статую богини, которая, по единодушному мнению, олицетворяла местное божество⁶⁴, а это подтверждает наличие здесь местного населения. И наконец, исключено, чтобы римский Фасис возник на

⁵⁷ Инадзе М. П. Причерноморские города..., с. 247—254; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 376—377.

⁵⁸ Инадзе М. П. Причерноморские города..., с. 247—248.

⁵⁹ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии—Себастополиса. — ТАИЯЛИ, 1959, т. XXXIII—XXXIV, с. 220—224; Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика Пицунды. — ВООИ, 1962, № 1, с. 234—235 (на груз. яз.); Асатиани Л. В. Краснолаковая керамика из Пицунды: (Каталог). — ВП, 1977, II, с. 177—210; Бердзенишвили К. И., Пугуридзе Р. В. Пицундские амфоры: (Каталог). — ВП, I, с. 256—273; Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э.—IV в. н. э. — ВП, I, с. 413—429 (все на груз. яз. с рус. резюме).

⁶⁰ Arrian. PPE, § 9.

⁶¹ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Материалы к археологии Диоскурии—Себастополиса. — Мапне, 1965, № 3, с. 123 (на груз. яз. с рус. резюме); Бердзенишвили К. И., Пугуридзе Р. В. Указ. соч., с. 277.

⁶² Arrian. PPE, § 9.

⁶³ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 79—80.

⁶⁴ См. подробно: Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962, с. 65—68 (на груз. яз.).

пустом месте, когда и Страбон и Плиний называют его *городом колхов*, *торговым городом колхов*⁶⁵. Все это доказывает, что Фасис являлся не римской кастеллой с канабой, а местным городом, в котором или рядом с которым было построено римское укрепление.

Между прочим, такая же картина наблюдается и в Апсаре, где наряду с римской кастеллой находилось местное поселение, имевшее в первую очередь торгово-ремесленный характер⁶⁶.

Таким образом, и после введения в Пителиунт, Севастополис, Фасис и Апсар римских гарнизонов эти города-крепости оставались прежде всего местными торгово-ремесленными центрами, в которых преобладало местное городское население. А после того как в IV в. из этих пунктов были выведены римские военные отряды, в них еще больше и быстрее развивается местная городская жизнь. Археологический материал из Пипунды и Сухуми показывает, что в IV в. сюда в большом количестве поступают импортные амфоры различных типов, изготовленные в Синопе и других центрах⁶⁷, краснолаковая керамика⁶⁸, стеклянные изделия из Александрии, Кельна и др.⁶⁹ Особо яркую картину общего подъема городской жизни дает Пипунда, где разворачивается широкая строительная деятельность — возводятся новые фортификационные сооружения, бани, церкви, различные хозяйственные постройки, причем все они находятся за пределами римской кастеллы⁷⁰. В IV в. Пителиунт становится крупным церковным центром: в 20-х годах этого века он являлся резиденцией епископа; как известно, в работе I Вселенского собора в Никее принимал участие епископ Пителиунта — Стратофил⁷¹. Так неужели епископская кафедра была основана в римской крепости, а паствой Пителиунтского епископа были несколько сотен солдат римского гарнизона?

Значительный подъем, переживаемый Пителиунтом в IV в., хорошо подтверждается и нумизматическими данными: никакой другой век не представлен здесь столь обильным материалом (более 500 экземпляров)⁷². Это — безусловное свидетельство оживления торговых связей с римским миром.

Аналогичная картина вырисовывается и в Севастополисе, где также проводились в IV—V вв. значительные строительные работы: в это время здесь были возведены новые фортификационные сооружения, остатки которых обнаружены на сухумской набережной⁷³.

Несомненно, крупным городским центром являлся в IV в. и Фасис. На его значение указывает хотя бы тот факт, что близ Фасиса, по сведениям ритора IV в. Фемистия, в III—IV вв. функционировала высшая философско-риторическая школа⁷⁴. Неужели же эта школа была основана при рядовой римской крепости для ее гарнизона или для «отставных военных», проживающих в ее канабе?!

⁶⁵ *Strabo*, XI, 2, 17; *Plin.* NH, VI, 15.

⁶⁶ *Грдзелишвили И. Н., Хачугайшвили Д. А.* Древнейший очаг производства железа на нижнем течении Чорохи и археологические изыскания в Гонио-Апсаре. — ПЮЗГ, 1964, кн. 1, с. 59—94 (на груз. яз.).

⁶⁷ *Анакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Материалы..., с. 114; *Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В.* Указ. соч., с. 273—277.

⁶⁸ *Лордкипанидзе О. Д.* Краснолаковая керамика Пипунды, с. 242 и след.; *Путуридзе Р. В.* Краснолаковая керамика с территории древней Сухумской крепости. — МАГК, 1965, вып. IV, с. 104—105 (на груз. яз.).

⁶⁹ *Лордкипанидзе О. Д.* Предварительный отчет о разведовательно-археологических работах в окрестностях оз. Инкит. — МАГК, 1965, вып. III, с. 98—99 (на груз. яз.).

⁷⁰ *Анакидзе А. М.* Великий Пителиунт, с. 19.

⁷¹ *Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice, armenice / Sociata opera ed. H. Gelzer, H. Hilgenfeld, O. Guntz. Lipsiae, 1898, p. 1—57, 65—71, 78—93.*

⁷² *Дундуа Г. Ф.* Указ. соч., с. 375—410; ср. с. 425—429.

⁷³ *Шерашидзе Л. А., Соловьев Л. Н.* Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, с. 177; *Лекинадзе В. А.* Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, 1966, № 1, с. 208—210.

⁷⁴ Подробно об этом см.: *Ломоури Н. Ю.* История Эгрисского царства, с. 110—112, там же литература.

Правда, к концу IV в. Питиунт испытывает новый упадок, что некоторые ученые увязывают с нашествием на Боспор гуннов⁷⁵, но это не относится к Севастополю, где, как уже указано, и в V в. велось строительство оборонительных сооружений. Кроме того, здесь в большом количестве встречаются и импортная краснолаковая керамика, и местные ее подражания V в., местная кухонная посуда и т. д.⁷⁶ Не коснулся этот процесс, как видно, и Фасиса, поскольку Аноним V в. сообщает, что в Фасисе собирались торговцы из 60 племен, в том числе из Индии и Бактрии⁷⁷. Да и в самой Пицунде городская жизнь не была полностью прекращена: здесь, хотя и в сравнительно малом количестве, встречаются и импортные изделия, и монеты V в.⁷⁸

Одним словом, из всего изложенного ясно, что в IV—V вв. прибрежные города Лазики представляли собой значительные торгово-ремесленные центры, для которых характерна ведущая роль местного населения. Поэтому нельзя принять утверждение В. А. Левкинадзе, что «ни один из оккупированных римлянами в Восточном Причерноморье пунктов не представлял собой в I—V вв. города. Это были только римские крепости или же римские крепости с канабами»⁷⁹. Точно так же неубедительно заявление, что из всех рассмотренных пунктов в позднеантичную эпоху «городом мог стать» только Фасис, который лишь в VI в. превращается из римской крепости в город⁸⁰.

Как мы видели, не только Фасис, но и Севастополис и Питиунт всегда оставались местными городами. На основании археологического материала IV—V вв. из Питиунта и Севастополиса Р. М. Рамишвили пришел к совершенно противоположному точке зрения В. А. Левкинадзе выводу, что в отличие от боспорских городов, которые после нашествия готов и гуннов не смогли восстановить свою былую силу и значение, у причерноморских городов Лазики оказалось больше жизненных сил, которые они черпали из внутренних областей Лазики⁸¹.

Следовательно, ни о каких своеобразиях «Понтийского лимеса» в этом смысле не приходится говорить: римские гарнизоны и на побережье Западной Грузии размещались в местных городах, как это было в других местах. Не существует и никаких «субъективных причин» сооружения римлянами в Восточном Причерноморье кастеллов: нигде, кроме названных городов, римляне не строили своих кастеллов. Дело в том, что ничем не обосновано причисление к римским кастеллам таких пунктов, как Зиганеос, Трахея, Мамай-Кале или Бата.

Выше мы показали, что нет никаких оснований считать, что *Ziganne* «*Notitia dignitatum*» находилась на территории Лазики, а археологические раскопки в с. Гудава выявили лишь еле различимые следы одной стены, при этом столь маловыразительные, что даже нельзя с полной уверенностью говорить, что это была стена постоянного укрепления, а не какого-то временного сооружения: она не имела фундамента и ее первоначальная высота должна была быть незначительной⁸². При таком положении дел всякая попытка реконструкции самого укрепления всегда будет произвольной.

⁷⁵ Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде. — МАГК, 1965, вып. IV, с. 120—121 (на груз. яз.).

⁷⁶ Пугуридзе Р. В. Краснолаковая керамика..., с. 104—105; Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Материалы..., с. 114 и след.

⁷⁷ *Anonymi Periplus*, § 3. — FHG, V, p. 174.

⁷⁸ Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика Пицунды, с. 242 и след.; *Он же*. Предварительный отчет..., с. 98—99; Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде. — МАГК, 1963, вып. III, с. 72—73 (на груз. яз.); Голенко К. В. Деянное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 79—80.

⁷⁹ Левкинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 92.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде. — МАГК, 1965, вып. IV, с. 118—119.

⁸² Закарая П. П., Левкинадзе В. А. Археологические раскопки в Гудава в 1971 г. — АЭГМГ, 1974, III, с. 149—150.

Точно так же мы не видим никаких оснований для причисления к римским кастеллам Трахеи, которую В. А. Леквинадзе отождествляет с крепостью, сохранившейся в Гагре. На чем же основано утверждение, что Трахея была римской крепостью? Оказывается, на «чисто римском характере ее расположения», в частности на самом берегу моря, под горой, в довольно опасной близости от Питиунта, а также на ее прямоугольном плане. Что касается свидетельства Прокопия Кесарийского, что Трахея была выстроена абазгами и они же ею владели (BG, VIII, 9), то автор объясняет его некомпетентностью Прокопия⁸³.

Но спрашивается, почему не могли абазги, т. е. местные жители, построить крепость на берегу моря, если она была призвана защищать побережье от нападения с моря? Ведь этому отрезку побережья в те времена опасность грозила именно со стороны моря: вспомним нападение на Питиунт и другие лазские города готов в середине III в., такое же нападение на Лазикку готов или сарматов, осуществленное опять-таки со стороны моря⁸⁴. Далее, что значит «опасная близость от Питиунта»? Почему для абазгской крепости была опасна близость абазгского города, даже в том случае, если там стоял римский гарнизон? В. А. Леквинадзе исходит из того, что Питиунт был римской крепостью. Допустим, что это так. Но почему абазги не могли построить свою крепость в 17 км от римской крепости? Думаем, столь же неоправданно огульное обвинение Прокопия в некомпетентности. Вряд ли византийский историк приписал бы местным жителям постройку римской крепости — можно скорее предположить обратное. Одним словом, нет никаких мало-мальски веских оснований считать Трахею римской кастеллой вопреки прямому указанию Прокопия о ее принадлежности абазгам.

И наконец, отождествление Трахеи с Гагрой довольно сомнительно. Как отметил З. В. Анчабадзе, по описанию Прокопия, Трахея возвышалась на верхушке отвесной и грозной скалы (BG, VIII, 9), а такое описание никак не соответствует местоположению Гагры. Кроме того, Трахея была расположена вблизи границы между Апсией и Абазгией, а эта граница никак не могла проходить в секторе Гагры. Поэтому все признаки позволяют локализовать Трахею на так называемой Иверской горе, т. е. в нынешнем Новом Афоне, и отождествить ее с позднейшей крепостью Анакопией⁸⁵. Такого же мнения придерживается и Д. Л. Мусхелишвили⁸⁶.

Что касается крепости в Гагре, то ее первоначальную форму восстановить ныне очень трудно, поскольку древнюю кладку И. Е. Адзигба и Л. Н. Соловьев обнаружили под русским укреплением XIX в., и эта древняя часть укрепления была выявлена ими не полностью⁸⁷. Утверждать же ее прямоугольную планировку лишь на основании зарисовки Ф. Дюбуа де Монпере довольно рискованно, поскольку неясно, на каком основании выделил Дюбуа этот план и крепость какого времени он имел в виду. Что же касается отмеченной В. А. Леквинадзе близости древнейшей кладки и одной дверной арки Гагрской крепости с кладкой и арками Апсара и Археополиса⁸⁸, то и это вряд ли может указывать на принадлежность Гагрской крепости к типу римских кастелл: ведь, во всяком случае, Археополис никак нельзя причислить к римским кастеллам. Словом, сомнительны и идентификация Гагрской крепости с Трахеей, и прямоугольная планировка Гагрской крепости, а причисление Трахеи к римским кастеллам вообще исключается указанием Прокопия.

⁸³ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 88.

⁸⁴ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 380—381.

⁸⁵ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1958, с. 10 и след.

⁸⁶ Мусхелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси, 1977, с. 119.

⁸⁷ Адзигба И. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, с. 13 и след.

⁸⁸ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 88.

Крепости в Мамай-Кале ныне вообще не существует, и для ее характеристики В. А. Леквинадзе располагает лишь чертежом и зарисовками кладки из хорошо отесанных крупных блоков, выполненными В. Сизовым почти сто лет назад. Вряд ли этого достаточно для выявления характерных особенностей данной крепости, тем более что В. Сизов датировал ее XIII—XV вв.⁸⁹ На каком же основании причисляет В. А. Леквинадзе и эту крепость к римским кастеллам? В первую очередь это опять пресловутый прямоугольный ее план, кстати существующий лишь в фантазии самого В. А. Леквинадзе. Дело в том, что на плане В. Сизова крепость имеет треугольную планировку, причем такая ее форма хорошо вписывается в рельеф местности: южная стена крепости проходит по краю балки, служащей для нее своеобразным естественным рвом⁹⁰. В. А. Леквинадзе совершенно произвольно пририсовал к плану В. Сизова две стены и одну башню, в результате чего получил вместо треугольной крепости четырехугольную, хотя такое видоизменение плана ничем не аргументируется. Сомнительно и сопоставление кладки и башен этой крепости с соответствующими деталями Апсара и Трахеи (т. е. реально Гагрской крепости) лишь по зарисовкам В. Сизова.

Наконец, о крепости Бага, которую упоминает Аноним V в. и которую В. А. Леквинадзе вслед за некоторыми другими исследователями отождествляет с Батой Страбона и Птолемея. Локализуется эта крепость предположительно где-то севернее Туапсе или даже в районе Новороссийска. Об этой крепости вообще нет никаких материальных данных, и единственное, что дает В. А. Леквинадзе основание причислить ее к римским кастеллам, — это факт обозначения ее Анонимом как *кастров*, т. е. «чисто римским термином»⁹¹, что нам кажется совершенно недостаточным. Дело в том, что во всем «Перипле» Анонима нет ни одного пункта, который он называл бы «крепостью», поэтому мы не знаем, каким термином он обозначал другие крепости. Кроме того, В. А. Леквинадзе упускает из виду следующее: по его же мнению, римские крепости могли появиться на восточном побережье Черного моря лишь после 70-х годов I в. н. э., а севернее Диоскурии — Севастополиса и того позже, поскольку этот последний еще при Арриане являлся конечным пунктом господства римлян на «правой стороне Понта»⁹². А Бата упоминается у Страбона, следовательно, эта крепость существовала задолго до начала строительства римлянами крепостей в данном регионе.

Важнее всего то, что ни один источник не говорит о наличии в Трахее, Мамай-Кале и Бате римских гарнизонов. Вряд ли присутствие таковых было бы упущено всеми римскими авторами, довольно подробно описывающими это побережье (Страбон, Плиний, Арриан, Птолемей, Аноним, Прокопий). Нет и веских материальных данных для утверждения, что по планировке, строительной технике и другим признакам эти пункты представляли собой римские сооружения. Следовательно, причисление этих крепостей к римским кастеллам бездоказательно.

И наконец, нам кажется методологически неверным причислять то или иное сооружение или крепость к римским постройкам лишь на том основании, что они по своей форме или по кладке стен похожи на римские. Как планировку крепости (или любого другого сооружения), так и кладку стен или иные архитектурные детали местные строители могли заимствовать у римлян или даже пригласить римских мастеров. Ведь строились в Лазике, внутри страны, крепости с характерной для римско-византийской архитектуры «смешанной кладкой» (*opus mixtum*), такие, как Археополис, Шорапани, Сканде, Вардцихе—Родополис. Однако ведь и сам В. А. Леквинадзе не может их считать римскими постройками. И уж, конечно же, никак нельзя оправдать такой метод, когда по каким-то еле за-

⁸⁹ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. — МАК, 1889, т. II, с. 5—7.

⁹⁰ Там же, с. 7, см. план.

⁹¹ Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, с. 89.

⁹² Arrian. PPE, § 26.

метйым деталям или на основании сомнительных сведений памятники, сохранившиеся на территории того или иного города, огульно причисляются к иноземным, в данном конкретном случае — к римским. На современном этапе развития науки, при, так сказать, «этнокультурной» атрибуции памятника, решающими являются не те отдельные детали, которые находят параллели в памятниках римско-византийского мира, а те своеобразия, отклонения от иноземных канонов, которые присущи этому памятнику и роднят его с местным, самобытным искусством, с закономерностями развития этого искусства. Следует исходить не из отдельных формальных признаков, а из всего комплекса исторических данных.

Таким образом, «Понтийский лимес» оказался весьма ограниченной «системой», к которой так или иначе можно причислить лишь Апсар, Фасис, Севастополис и Питиунт, да и то все эти опорные пункты оказываются не римскими кастеллами, а местными городскими центрами, в которых или возле которых возникали римские укрепления. При этом, конечно же, не прав В. А. Леквинадзе, утверждая, что вплоть до времен Юстиниана характер и назначение «Понтийского лимеса» оставались неизменными. Во-первых, невозможно представить, что на всем протяжении времени с I по VI в., в условиях постоянного изменения взаимоотношений Рима и Западной Грузии, а также общей политической конъюнктуры в Причерноморье⁹³, назначение, а следовательно, и характер «Понтийского лимеса» не менялись. Во-вторых, римские гарнизоны на колхидском побережье находились не постоянно: как мы видели, с IV в. вплоть до 20-х годов VI в. их вообще нет в прибрежных пунктах Западной Грузии. Следовательно, нет оснований утверждать, что римлянами в Восточном Причерноморье была создана постоянно действующая система фортификационных сооружений, неизменно функционировавшая с I по VI в.

⁹³ О постоянном изменении этих взаимоотношений см.: Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства, с. 5—29, 30—87; Он же. Грузино-римские взаимоотношения, с. 142—151, 208—242, 266—279.